«ЧЁ ИМ ОТ МЕНЯ НАДО?..»

Так спрашивал замечательный омский художник Николай Брюханов, имея в виду власть и послушную ей прессу

Александр Лейфер

Отрывок из эссе «Личный фонд, или Отпуск на Канарских островах». Полностью эссе будет опубликовано в журнале «День и Ночь».

С чего это вдруг я решил писать о Брюханове? Да просто потому, что сравнительно недавно, года полтора назад, был на посвященном художнику вечере воспоминаний, который проходил прямо на его выставке, в музейном зале, где со стен смотрели на нас его прекрасные полотна.

О Брюханове я узнал впервые в Казани. В 1962 году, закончив школу, уехал туда учиться в университете. Читал я тогда много, зверски много. Научная университетская библиотека, второй читальный зал, ее генеральный каталог и справочно-библиографический отдел — пожалуй, главное из того, что было тогда в моей жизни. Я выжал из этого все, что было можно, и, пожалуй, данный пункт собственной биографии — единственный, в котором мне не в чем самого себя упрекнуть: правильно читать и пользоваться библиотекой научился именно в студенческие годы.

При этом оговорюсь, что неким сухарем и книжным червем представлять меня не стоит. Я был не дурак выпить, ходил с друзьями на погрузку-выгрузку, бывал в казанских театрах и на концертах, «на полном серьезе» с первого же курса ухаживал за своей будущей женой, которая училась со мной в одной группе. Мы с ней не пропускали ни факультетских вечеров, ни просто субботних танцулек в нашем общежитии. Кроме того, я довольно активно печатался в газете «Комсомолец Татарии», уже пописывал кое-что и «для души»... Но со скучных лекций сбегал чаще всего не куда-нибудь, а все в тот же тесный читальный зал №2, находившийся на втором этаже старинного, расположенного в университетском дворе библиотечного корпуса, построенного еще самим Лобачевским во время, когда ректором Казанского университета был он.

На дворе стояли веселые хрущевские времена. В студенческих столовых Казани хлеб был бесплатным, стала большой, двухтетрадной «Литературная газета», а все «толстые» журналы продавали в киосках «Союзпечати», шла вечная интеллигентская охота за хорошими книгами. Я ходил зимой в осеннем пальто (после Омска погода в Казани казалась мне помягче), книги покупал редко, но в воскресный день всегда находил пятак на газету «Правда». Именно ЦО (центральный орган) родной партии был, выражаясь ее же языком, моим «компасом в книжном море»: по воскресеньям выходила полоса «Литература и искусство», и я, прочитав ее, шел на другой день все в тот же второй читальный зал и заказывал все, что в этой самой полосе ругали ее записные литкритики. Попадание было всегда в «яблочко»: хлеб свой эти наемные убийцы ели не даром, нюх у них был чуткий — стойка делалась обязательно на что-то свежее, интересное, необычное и — как правило — талантливое. Так что именно «Правде» (иногда с этой же целью — получить подобную «кривую» ориентацию — я заглядывал еще и в «Советскую культуру») обязан я нужным направлениям в чтении, самообразовании — самообразовании литературном, а в конечном итоге — и политическом. Думаю, что так же поступали тогда сотни и тысячи других молодых людей во всем нашем огромном СССР. Спасибо тебе, «Правда», — «любимая газета миллионов» (кажется, именно так рекламировали ЦО в период подписных кампаний)!

(В скобках замечу, что был еще один источник, но уже не искаженный, не такой, как «Правда», которую следовало понимать «с точностью до наоборот», а вполне прямой и самодостаточный — мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь», именно в мои студенческие времена с продолжением печатавшиеся в «Новом мире». Номера журналов, зажимаемые Главлитом (т.е. цензурой), обычно задерживались, порой надолго, на несколько месяцев, сам текст, как мы теперь уже знаем, подвергался жестокой кастрации. Но тем не менее — получив очередную книжку «Нового мира», я начинал читать ее именно с Эренбурга, а читая, клал рядом лист бумаги и выписывал на него фамилии совершенно незнакомых, не встречающихся в читаемых нам университетских лекциях писателей, художников, философов — и тут же шел искать эти фамилии в каталожных ящиках нашей замечательной библиотеки. И опять же уверен: точно так же делали тогда многие тысячи других советских читателей. Я же плюс ко всему еще изобрел себе тему курсовой работы, связанную с историей оформления (оформления!) отечественной периодической печати советского периода и по этому поводу выправил разрешение этой самой периодической печатью пользоваться. И это в то время, когда студентам журналы и газеты, выходившие с 1918 по 1958 год, не выдавались. И директор библиотеки отношение мое подмахнул! Хоть, конечно же, знал, что я там мог вычитать. Многое из журналов этого периода начало перепечатываться только во времена перестройки, а кое-что перепечатывается и сейчас).

Так вот, о своем земляке Брюханове я узнал именно в Казани. Мой дружок — учившийся в нашей же группе Витька Лукашов, такой же запойный книгочей и воскресный ходок за центральными газетами, как и я, со словами «Смотри, что там у вас творится», сунул мне под нос «Совкультуру», где была напечатана неподписанная (но довольно для неподписанной большая) статейка про омских художников, про какую-то их скандальную выставку, вызвавшую якобы возмущение омских зрителей тем, что произведения, на ней показывающиеся, искажают образы советских людей — наших славных современников. Фамилия Брюханова упоминалась неоднократно, причем каждый раз в ругательном контексте. Подписи под статейкой, как я уже сказал, не было, значилось лишь: «Омск». Пахло от всего этого нехорошо.

Но я вряд ли запомнил бы эту заметку, не попадись она мне на глаза еще раз. Причем, произошло это лет через десять и не где-нибудь, а...в мастерской самого Брюханова, и показал мне ее не кто-нибудь, а сам Коля. Но сперва об одном разговоре, который произошел после того, как в самом начале 1969 года меня, литсотрудника «Омской правды», перевели работать из отдела информации в отдел культуры, в результате чего я стал чаще бывать на различных художественных выставках и чаще писать о них. Что, оказывается, тотчас же было, кем надо, замечено.

Лет тридцать уже прошло, а вспоминать об этом разговоре до сих пор неприятно. Разговаривали со мной два корифея местной художественной жизни. Оба уже отправились в мир иной, поэтому обойдемся без фамилий. Впрочем, не в фамилиях и дело, а в самой атмосфере лет, в самой обстановке...

Убей, не помню, для чего я пришел в Дом художника в тот раз. Должно быть, и скорее всего, — на очередной вернисаж . Видимо, ходил с блокнотом возле картин, задавал вопросы. И как-то незаметно обнаружил, что со мной знакомятся, говорят, что, мол, читают мои публикации, спрашивают, почему никогда не захожу в мастерскую? И тут же приглашают и ведут из зала куда-то наверх. И вот я уже в мастерской одного из вышеуказанных корифеев (а второй — рядом), и уже чаек кипит, и кое-что покрепче появляется. И без особых подходов, мягко, но вполне четко меня начинают «ориентировать»: про кого не надо писать, про кого надо — это, как бы само собой вытекает из создавшейся ситуации: конечно же, писать надо про хозяина мастерской, про его коллегу, в чью мастерскую мы вскоре переместились. («Вы почаще, почаще приходите, — мы вас со всеми познакомим».) Но главное не это, главное — чтоб я усек и запомнил, про кого писать не надо. Не надо про Брюханова. Не надо про Третьякова. Про Кукуйцева. Про... И куда, помню, подевались у моих собеседников и академическая мягкость, и внешняя мудрость, и неторопливая вежливая манера в разговоре — все, что так приличествовало их сединам и положению. Все сдуло той злобой, с какой произносились эти фамилии. «Это уже клиника, психобольница... Это деградация... Экспрессионизм... Хулиганство...Формализм...» Действовал на пожилых мастеров кисти и коньячок, я же мог тогда выпить (особенно — на халяву) хоть ведро. И, конечно, тут же сработала старая студенческая, воспитанная газетой «Правда» привычка — воспринимать такие оценки «с точностью до наоборот». Визит в мастерские маститых только подхлестнул мое желание побыстрее познакомиться с Брюхановым и Третьяковым.

...Прошло еще с полгода. И я стал бывать в брюхановской мастерской. Впервые меня привел сюда поэт Разумов, тоже Николай. И потом мы приходили к Брюханову чаще всего вместе с ним. Садились в знаменитые брюхановские, выделанные из корневищ кресла, отогревали принесен-

Художник Николай Брюханов в своей мастерской

Александр Эрахмиэлович ЛЕЙФЕР родился 27 декабря 1943 года в Омске.

Окончил отделение журналистики Казанского университета (1967 г.). В течение многих лет работал в средствах массовой информации.

Стал одним из инициаторов создания в Омске Литературного музея имени Ф.М.Достоевского и первым его заведующим.

Печатался во многих журналах, альманахах и коллективных сборниках, выходивших в Москве, Омске, Красноярске, Екатеринбурге, Иркутске, Новосибирске. Автор книг: «Сибири не изменю!..Страницы одной жизни» (о П.Л. Драверте. Новосибирск, 1979), «Прошлое в настоящем. Очерки» (Омск, 1984), «...Буду всегда жива. Документальное повествование о Валентине Бархатовой и ее друзьях» (Омск, 1987), «Удивительная библиотека. Рассказы о старых книгах и книжниках» (Омск, 1989, — первая премия Омской областной организации Союза журналистов СССР), «Вокруг Достоевского» и другие очерки» (Омск, 1996, — премия администрации Омской области «За заслуги в развитии культуры и искусства»).

В 1992 г. принят в Союз российских писателей.

При основании Омского отделения Союза российских писателей (1993 г.) был избран его председателем.

Член редколлегии журнала «День и ночь».

Лауреат пятой Артиады народов России (1999 г.) — за составление и редактирование сборников произведений омских писателей «Складчина».

«Портрет Инны Шпаковской»

ным вечно хмурого, вечно чем-то угнетенного хозяина, а потом, посидев, шли к картинам, разворачивали их от стен и смотрели, смотрели, смотрели... В тот же раз Брюханов был на взводе, он разомлел — и не только от выпитого, а и от того, что мы особенно долго ходили по мастерской и в который раз смотрели его вещи. Они все тогда стояли там — некупленные и непристроенные: и «Доярки», и изруганный вдоль-поперек за «искажение образа» и формализм «Ветеран войны» — любимая моя брюхановская работа, и «Портрет архитектора», и «Славянский марш». Мы смотрели и, конечно же, что-то говорили при этом друг другу.

И тут Брюханов полез куда-то в стол, долго что-то там искал, вытащил какую-то папку, принялся ковыряться в ней. «Давно хотел тебе показать, вот посмотришь, — бормотал он при этом, — почитаешь, ты же грамотный...». Наконец, он вытащил газетную вырезку — всю потрепанную, захватанную и потертую на сгибах, — видимо, вытаскивалась и читалась она часто.

«Нет, вы скажите, чё им от меня надо? Чё им надо?» — все повторял Коля, пока я читал текст, с изумлением узнавая его. Это была та самая статейка из «Советской культуры», которую когда-то, лет десять назад, сунул мне под нос мой кореш Витька Лукашов в Казани, в читальном зале университетской библиотеки.

«Нет, ты мне скажи: чё им от меня надо?» — продолжал наседать на меня Николай.

ЧТО Я МОГ ЕМУ ОБЪЯСНИТЬ?..

...Это мистика, но еще лет через пятнадцать, когда давно уже не было в живых Брюханова, но когда, наконец, его помаленьку начали вспоминать, история с этой газетной статейкой вновь вылезла на свет божий и вновь коснулась меня. Было это незадолго до смерти близкого мне человека, имя которого я называть тоже не хочу. Не помню, в связи с чем в нашей литературной компании заговорили о Брюханове, и я рассказал историю о хранившейся у него затертой вырезке. Тут же, конечно же, стали гадать, — кто все-таки написал эту злосчастную статейку, которой покойный художник придавал такое значение, — ведь раз под ней стояло «Омск», значит, наверняка, и писал кто-то из местных. Кто?

Разговор был застольным, перескакивающим с одного на другое. И уже в конце вечера (или вернее сказать — в начале ночи) тот самый человек, про которого я сейчас говорю, что не хочу называть его имени, уже в прихожей, уже одеваясь, сказал мне, когда мы остались вдвоем: «А ведь это я». «Что «я»?» «Я тогда написала в «Совкультуру»... «Как же ты могла?» « А очень просто. Вызвали к редактору, а там у него собкор «Культуры» сидит по нашему западно-сибирскому «кусту», из Новосибирска специально приезжал. Ну и заставили... Думаешь, меня это не мучает?»

«Ладно, замнем для ясности», — сказал я тогда своей старой подруге. Хотя сказать нужно было совсем другое. Надо было сказать, что после этой распроклятой заметки ею было написано столько смелого, яркого и незаемного, столько пережито и так много сделано добрых дел, что грех давно и с лихвой замолен. Надо было все это сказать. Но не сказал. А теперь уже не скажешь — некому. Года через полтора похоронили мы и ее. Встретилась ли она там с Колей? Он-то простил ли ее?..

...И последнее. Передо мной — красивое «Приглашение», по которому я пришел на уже упоминавшийся в самом начале рассказа о Брюханове вечер воспоминаний. «Уважаемый А.Э., — сказано в нем, — приглашаем Вас на выставку, посвященную 70-летию со дня рождения Николая Михайловича Брюханова (1928-1979)... 26, 27, 28 февраля на фоне выставки пройдут Третьи омские искусствоведческие чтения «Н.М. Брюханов и его время».

БРЮХАНОВ И ЕГО ВРЕМЯ...

И наше, стало быть, время — прекрасное и малопонятное, будь оно все неладно!

А рядом — программа чтений «Брюханов и его время». Переписывать ее здесь нет никакого смысла, но названия нескольких сообщений все же приведу. Например, «Творчество Н.М.Брюханова. Монументальные тенденции». Или: «Анализ пространственно-временной структуры работы Н.М.Брюханова «Северянка». Или: «Проблема антологизма художественной картины мира (к истории малоизвестного портрета кисти Николая Брюханова)».

ЗНАЛ БЫ ВСЕ ЭТО КОЛЯ

Послушав такие доклады, он первым делом, конечно же, постарался бы побыстрее и покрепче «накушаться» — чтобы прочистить мозги от всех этих искусствоведческих сложностей. Шутка.

«Ветеран войны»

А вот это уже совсем не шутка. В программе данных чтений названо такое, например, сообщение — «Культура и власть: государственно-политический контроль за творчеством интеллигенции (от оттепели к застою)». А рядом значится, что было и сообщение о первой зарубежной выставке омских художников. Оно бы ничего, но пикантность момента заключается в том, что второе сообщение — о выставке в Пеште — сделала госчиновница высокого ранга, которая в те достославные времена как раз и была среди тех, кто осуществлял этот самый госполитконтроль за творчеством Коли Брюханова, т.е. во время худсоветов не пускал на выставки его работы, а то и снимал их с уже развешанных экспозиций. Из сообщения же этого стало ясно, что когда в 1974 году приспела нужда посылать работы омских художников в «братский» Пешт, выяснилось, что посылать-то, кроме тех, кого тут неустанно «контролировали» (т.е. гнобили и всячески зажимали) — Брюханова, Третьякова, Кукуйцева, Штабнова и Черепанова — так вот, кроме них посылать особенно некого. Произведения так любимых местным начальством правильных и верных соцреалистов за кордоном котироваться явно не будут. Вот ведь какие дела...

В программе этой упоминается и моя фамилия. Предполагалось, что на вечере воспоминаний «Возьмемся за руки, друзья» что-то скажу и я. Но желающих вспомнить и Колю, и те не такие уж, в общем-то, далекие времена, было много и без меня. И решил я тогда, что уж лучше вспомню позже — в более привычной — письменной, так сказать, форме.

Александр ЛЕЙФЕР

Фото и фоторепродукции Михаила Фрумгарца (1921-1998), предоставлены редакции Марком Фрумгарцем.

«Славянский марш»